Текст · 29 марта 2022, 12:20
Елена Костюченко,

Николаев. Репортаж Елены Костюченко, который «Новая газета» удалила по требованию РКН

Репортаж Елены Костюченко из Николаева вышел в «Новой газете» 12 марта, его прочитало больше миллиона человек. 29 марта Роскомнадзор и Генпрокуратура потребовал от издания удалить материал, поскольку изложенное расходится с официальной точкой зрения Минобороны. «Новой газете» пришлось подчиниться. С разрешения автора «Медиазона» перепечатала репортаж целиком — и без цензуры.

Город широко раскинулся вокруг реки. Серебряное зеркало широкого Буга. Мост через Буг то и дело поднимают. Из Николаева каждый день идут автобусы с женщинами и детьми в пока безопасную Одессу, кто-то бежит дальше — в Молдавию, кто-то едет в те части Украины, которые еще не охвачены войной.

Город обстреливают по окраинам. Город в полукольце — российские подразделения стоят с севера и востока, в 20 километрах.

Губернатор Виталий Ким. Фото: Елена Костюченко / «Новая газета»

Военный губернатор Виталий Ким стал звездой. В его телеграм-канале — 650 тысяч подписчиков. Он записывает сам себя на камеру мобильного, каждый эфир начинает с «МИ З УКРАЇНИ!». Он русскоязычный и наполовину кореец, и это бесконечный повод для местных шуток про «нацистов, захвативших власть на Украине» (о нацистах не устает напоминать российское телевидение).

В городе — режим черного неба. После заката нельзя включать свет, сотрудники горисполкома пообещали, что из-за провинившихся будут отключать свет всему дому. Все магазины, кроме продуктовых и аптек, закрыты. В школах и детсадах с начала войны — каникулы. Детей стараются не разлучать со взрослыми. Многие маршруты отменены — часть автобусов забрала армия, другие автобусы участвуют в эвакуации.

На перекрестках горами лежат шины. Их подожгут, когда российские военные войдут в город. На многих шинах — следы краски: ими огораживали клумбы. Мэр города сказал: хоть какая-то польза от этой войны, избавимся от резиновых лебедей.

Николаев. Фото: Елена Костюченко / «Новая газета»

Аккуратные очереди за гуманитаркой. Крупы, консервы, масло.

Быт разрезают воздушные тревоги. Больница БСМП переоборудована в госпиталь — после операций и обработки ран людей эвакуируют. Койки должны оставаться свободными для новых поступлений. Персонал больницы живет здесь же — две недели, с начала войны.

Гуманитарка идет с Одессы. Одесса молится на Николаев. Одесситы считают: именно Николаев — причина, по которой Одессу еще не штурмуют.

Ярослав Чепурной, пресс-офицер 79-й бригады, обороняющей Николаев, рассказывает:

— Николаев частично в полукольце.

Вокруг города сосредоточено 17 батальонно-тактических групп российских войск. Если считать, что каждая батальонно-тактическая группа — это приблизительно тысяча военнослужащих, то это 17 тысяч военнослужащих. Значит, где-то около полутора тысяч единиц военной техники. Мы не знаем, конечно же, планов российского командования, предполагаем, что часть этих батальонно-тактических групп уйдут на север, может, на Кривой Рог. Ну, какая-то часть останется и будут штурмовать город. Мы понимаем, что у российского командования есть задача взять Николаев, есть задача взять Одессу и, видимо, пробить сухопутный коридор до Приднестровья. И поэтому мы готовим оборону. И каждый день, который нам дают, не атакуя Николаев, он усиливает нашу оборону.

Они и с востока, и с севера... Они уже пробуют в некоторых местах выше Николаева высадить десант и организовать, видимо, переправу через Южный Буг. В районе Новой Одессы река уже, чем здесь. А здесь, в районе Николаева, Южный Буг разливается, после Варваровского моста он уже называется Южно-Бугский лиман. И он очень широкий. И если мы взорвем мосты, им очень тяжело будет переправляться, у нас крутой берег. Поэтому мы понимаем, что, скорее всего, они будут где-то севернее, в районе Новой Одессы, возможно, делать понтонно-мостовую переправу. Тем более, по данным нашей разведки, мы знаем, что понтоны они везут, они везут катера — то есть, то оборудование, которое необходимо для наведения понтонно-мостовых переправ.

Несколько раз российские войска атаковали город. Раза четыре атаковали, первые три раза — это была разведка боем, они очень маленькими силами подходили, мы отбивали эти атаки, жгли их технику... А 7 марта уже была более сильная атака, сначала ракеты и «смерчи», потом они уже силами двух батальонно-тактических групп атаковали наши позиции.

И тут интересный факт. У них было достаточно много техники, но мы подбили несколько танков, несколько бронированных машин. И этого оказалось достаточно, чтобы они развернулись, отступили. Получается, что, понеся очень небольшой урон, незначительный урон для своих войск, они почему-то развернулись и отошли. Мы даже не ожидали. Потому что когда идет наступление танками, бронированными машинами, идет бой,

потеря нескольких машин — это не должно быть препятствием для развития наступления. После этого разведка тоже иногда подходит — ну и уходит.

По официальным данным пленных уже больше трех тысяч на всю Украину, и я доверяю этим официальным данным. Даже в нашей области уже счет идет на многие-многие десятки. Вот два дня назад 12 человек уже сдались в плен — после боестолкновений сдались, уже даже боестолкновений не было.

Город обстреливается — «Смерч», «Ураган», «Град». Но если «Град» — 122 мм, «Ураган» — это 240 мм и «Смерч» — 320 мм, это все системы залпового огня особой мощности. Первые атаки были на военные объекты, то есть 24-го февраля был обстрелян наш военный аэродром Кульбакино, по нему был нанесен удар, но нашей авиации там уже не было, то есть он был по сути вхолостую. 4-го вечером они нанесли удар на железнодорожную станцию, склады с горючим, потом попали в хлебзавод — я не знаю, зачем... А потом уже, 6-го и 7-го особенно, начались обстрелы воинской части и начались просто обстрелы жилых кварталов. Очистные сооружения под Николаевом уже несколько раз были обстреляны, и мы так понимаем, что попытка сделать проблемы местному населению с водой. Вот между Николаевом и Херсоном есть населенные пункты, и между ними у них есть огневые позиции, с которых они наносят удары артиллерии по городу.

***

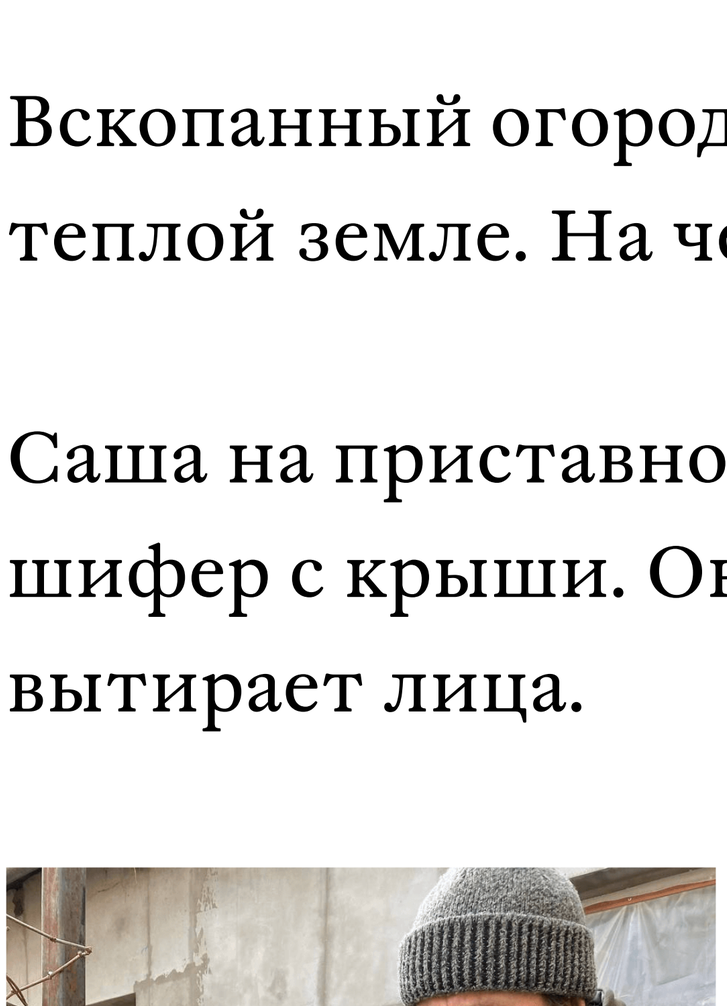
На Херсонскую легло кучно. Это Корабельный район, самый южный — частный сектор Балабановка. Дома покорежило. Кажется, они недостроены. Шифер отлетел от забора, проваленные внутрь крыши, обломки жизни на дороге между домами. Кирпичный забор разлетелся на кирпичики, по прихоти сохранилась табличка с номером 22 . Стекол в домах нет, от этого они кажутся нежилыми. За зелеными воротами прячется покореженная «газель».

Последствия обстрелов, Николаев. Фото: Елена Костюченко / «Новая газета»

Вскопанный огород. Посекло вишни — ветки лежат на теплой земле. На чердаке — три сквозных пробоины.

Саша на приставной лестнице счищает побитый шифер с крыши. Он плачет, но не замечает этого, не вытирает лица.

Саша с осколком снаряда в руках. Фото: Елена Костюченко / «Новая газета»

— Сначала стреляли. Тут гукнуло на пшеницу, нам окна вынесло сразу. Потом вроде тихо стало. Жена

там, в сенях, я на кухне. Она села, я так выглядываю в окно и тут, непонятно откуда — два самолета черных как бы Стелс. Жена упала и тут тра-та-та! Дым какой-то белый. Я на жену упал и мы поползли. Вот я пособирал все осколки. Этот же осколок на половину может разрезать пополам человека.

Надя, его жена, сидит, положив руки на колени:

— Вот тут я села. Вот тут я сидела. И сижу вот так, никакого звука нет. Никакого звука нет, чтоб я испугалась. Два самолета таких страшных черных, темно-серых, а я даже не двинулась с места. Думаю, они же по населению не стреляют. И тут же оно по потолку начало... Это такой ужас... Посмотрите на ворота, какие дырки. Если бы успели меня стрельнуть. Я в таком шоке, что я не могу отойти. Вы знаете, я боюсь. Потому, что уезжать тоже страшно. Это надо доехать. Я смотрела новости, семья уезжала. Попали под обстрел. И дети погибли, и родители.

Надя, жена Саши. Фото: Елена Костюченко / «Новая газета»

Николаевский центр социально-психологической реабилитации детей — городской приют — был эвакуирован сразу после начала войны. 93 ребенка от 3 до 18 лет. Они социальные сироты — родители есть, но о детях заботиться не могут. Детей эвакуировали в Антоновку — село в 67 километрах от города, в сторону Крапивницкого, бывшего Кировограда. Пять дней назад рядом с селом встали российские

войска. 8 марта в 9:20 утра на Кировоградской трассе российскими военными была расстреляна машина, везущая смену воспитателей в детский приют. Трое женщин погибло.

Водитель Анатолий Александрович Геращенко переминается с ноги на ногу. В правой ноге осколок. Доставать не стали — «хирург сказал, будем оперировать, если гнить начнет». Рядом стоит Маша — один глаз голубой, другой карий, жмется к отцу. «У меня три сына и две дочери», — хвастается Анатолий Александрович. Его начинает трясти, он говорит: «Холодно».

Ранение ноги. Фото с телефона Анатолия Геращенко

Это была его третья поездка в Антоновку. Работал за стоимость горючего. На лобовое стекло приклеил красный крест из изоленты. Его машина — Мерседес-Спринтер — сгорела вместе с телами внутри.

— Воспитателей я уже третий раз вез. Блокпосты мы все проехали-прошли. Паспорта показывали. Шестеро женщин сидели в салоне у меня. Двое женщин в будке сидели, сзади. На блокпосте сказали,

что ночью что-то было. Но, по идее, должны были нас не пустить туда!

Машин не было на встречу. Дорожка пустая. Километров 25 проехали. И метров за 250, ну, у меня зрения немножко, а женщины увидели, говорят: «Кто-то впереди, какая-то техника». Я говорю: «Девочки, что будем делать?». Сбавил скорость. Сначала была автоматная очередь. Но я ее не слыхал и не видел. Я только увидел, что с боку щебенка прыгает. Я только сейчас понимаю, что это было.

Как по нам выстрелили, я не помню. То ли я остановился уже, то ли машина немножко еще катилась. Я не видел взрыва. Я только ощутил, что-то посыпалось. Вспышка в ногах. Я выбегаю с машины. Они подбегают с автоматами. Я лежу лицом на асфальте и кричу: «Там женщины! Там женщины! Там женщины!».

Русские открыли заднюю дверь, где еще четыре человека сидели. Женщины вышли на поле, они подбежали к ним и кричат: «Бросайте телефоны!». Они, четыре женщины, выбросили телефоны им под ноги. Я телефон бросаю в траву. У меня маленький телефон лежал в кармане, а смартфон остался в машине на торпеде.

Я потом возвращаюсь к машине, смотрю, смартфона нет. Я начал искать его. Женщина возле двери сидит — у нее лица не было полностью. Только внутренности были. На моем пороге, на моем подножке, лежал ее палец. Лица не было, не было! И сзади меня женщину убило — но ее я не видел.

Горящая после расстрела машина. Фото с телефона Анатолия Геращенко

Русские говорят: «Мы ж предупреждали! Дали предупредительную очередь». Но я-то не воюю! Не каждый день меня предупреждают очередью. У одной женщины одно ранение было в плечо. Они ее подняли. Один, якут или бурят, ей сделал перевязку. А второй был молоденький мальчик такой. Такие очки черные, как у меня. Я еще и лицо запомнил. А меня нога, ну, осколками побило. И этот мальчик от меня шарахается. Страшно, что ли, ему стало? Я ему говорю: а как нам выйти отсюда? Он говорит: «Идите полями. Указатели везде поснимали по дороге». Я говорю: «Мы пойдем по трассе. Вы сообщите своим, если там кто-то есть по дороге». Они говорят: «Мы сообщили уже».

Со стороны русских было безразличие такое. Им даже не интересно было, что там машина горит, что там кто-то остался. Я говорю: «помогите хоть потушить!». Они стоят.

Уже машина горела и, будка горела, вижу кто-то там лежит. Я зашел в будку. Там женщина. Муж ее провожал. Поцеловал. Я ее вытащил сзади, потом мне еще одна женщина помогла. Мы ее положили на асфальт и спина оголилась у нее. Я за куртку тащил

и, вся спина была изрешечена осколками. Ну, я не проверял ни пульс, ничего. Сегодня звонил муж. Я говорю: «Она не сгорела, я вытащил... Она лежит там до сих пор».

В машине остались гореть два тела. Машина горела хорошо.

У меня день рождения 11 ноября. И 8 марта.

Директор Светлана Клюйко показывает фотографии погибших воспитательниц. На фото — Елена Александровна Батыгина. Фото: Елена Костюченко / «Новая газета»

Убитых женщин звали — Наталья Евгеньевна Михайлова, Елена Александровна Батыгина, Валентина Анатольевна Видющенко. Светлана Николаевна Клюйко, директор Центра, рассказывает про каждую: «Михайлова Наталья Евгеньевна — она у нас с 2014 года и работала воспитателем. У нее очень большой опыт работы, она работала в спецшколе в свое время. Это человек от бога, добрейшей души человек. Если можно придумать, это будет образец. Она очень любила детей, она такая умница, рукодельница. Вообще у меня все сотрудники хорошие, но она находила к каждому слово. Она работала только со взрослыми мальчишками. 4 мая ей бы было 50 лет, готовились юбилей отметить. Батыгина Елена Александровна — она занималась

детьми: одевала их, переодевала, подбирала одежду. У нас дети всегда были очень красиво одеты. У нее большой подбор костюмов всегда был, нарядных платьев, ее дети тоже очень любили. Добрейшая. 20 лет она работала. Ей было 64 года. Видющенко Валентина Анатольевна — вот она у нас недавно, второй год работала, помощником воспитателя. Она работала у нас в группе, где детки только поступали. В группе вновь прибывших деток. У нее было такой, знаете, один из самых тяжелых участков. Детки только поступают, они плачут, они.. Привезли не знаю куда, он переживает, этот ребенок. Вот это тот человек, который встречал деток. Она мыла, одевала, переодевала, успокаивала, уговаривала. Вот. Вот это такие люди погибли. У детей была истерика. Дети их ждали, мы же сказали, что они едут. Дети кричали и кричали».

Тела — то, что осталось от тел — забрать не удалось. «Добраться туда невозможно». Они так и лежат в 25 километрах от ближайшего украинского блок-поста.

Раненые — помощница воспитателя Анна Николаевна Сметана, психолог Елена Федоровна Беланова — в николаевских больницах. Выжившие воспитатели Галина Ильинична Лыткина и Наталья Евгеньевна Веденеева — госпитализированы «в состоянии психологического шока».

93 ребенка и десять воспитателей в окруженной войсками Антоновке ждут эвакуации — «дальше, в Украину».

***

Санитар в морге бюро судмедэкспертизы. Фото: Елена Костюченко / «Новая газета»

Все тела погибших проходят через областное бюро судебно-медицинской экспертизы. По словам главы бюро Ольги Дерюгиной, с начала войны поступило более 60 тел украинских военнослужащих и более 30 тел гражданских. Прошу назвать точные цифры, она говорит: «Смысл? У нас постоянно новые поступления». Каждое тело обследуют сотрудники следственного управления — готовят документы для Международного уголовного суда в Гааге.

— У нас такого количества тел никогда не было. Осколочные ранения, пулевые, взрывы... Больше всего осколочных. У нас были тела с неразорвавшимися боеприпасами, и приезжали взрывотехники и обезвреживали их... В телах, внутри, было два таких случая, приезжали взрывотехники и разминировали эти тела.

— Да, неразорвавшаяся мина была, я вытаскивал. — говорит судмедэксперт Юрий Александрович Золотарев. — Боеголовка была повреждена, поэтому она не разорвалась, механизм я вытаскивал, отдавал взрывотехникам, потому что надо было исследовать. Я сказал, чтоб женщины отошли в сторону...Бывшие военные... я аккуратненько извлек ее и отдал взрывотехнику. В теле мужчины, в груди оперение стояло, а в животе была боеголовка, вот она и не взорвалась, живот-то мягкий. Это еще когда обстрел

Очакова был, это в основном тела из Очакова... а у второго только часть была мины. Когда вчера женщины, жены опознавали, они так кричали на всю улицу, я за двадцать лет такого не слышал. Я на войне в Боснии был, такого зверства не было. Я вскрывал двух наших — мало того, что они дострелили их, они еще ножами добивали в спину... 6 марта два молодых парня пошли на территорию авиаремонтного завода, пытались коктейлями Молотова жечь технику... Их поймали, связали, выстрелили в голову и потом добивали в лопатку, там ножевые раны, от кинжалов, добивали. Это зверство, раненых взяли, добили...

— Сначала выстрелили, а потом добивали?

— Я двадцать лет работаю судмедэкспертом! Я понимаю, которая рана была до, какая после.

Тела свалены в двух секциях «холодильника» — помещения с контролем температуры. Но в холодильнике они не помещаются. На улице у стены в черных пластиковых мешках лежат те, кого уже обследовали — восемь тел. В здании, которое до войны использовалась как сарай, две комнаты по 20 метров заняты телами. Тела покрывают пол. В углу — тела пяти российских военнослужащих. «Пока холодно, храним. Непонятно, кому и как их передавать».

— Это все, которые пострадали от войны, обгоревшие, упакованные уже в мешки... Переступайте, не бойтесь. ... Тут еще у меня есть, вот. А потом, когда поработали, мы их пакуем в санитарные пакеты, соответственно, ложим, потому что вскрытые тела, честно, некуда ложить, вы же залы видели...

Голые ноги, кто-то обут. Обгоревший парень лежит с разведенными руками, спекшийся черный ком вместо лица. Половина тела человека, мясо перемешано с травой, голова прикрыта курткой, из-под куртки выглядывает мужская рука. Голый мужчина, завернутый в цветастую простыню. Российский солдат — руки закинуты за голову, камуфляж задрался, выглядывает чистая тельняшка, желтая полоска живота.

В холодильнике тела лежат в несколько слоев. Две девочки лежат одна на другой. Они сестры. Старшей — 17 лет, в куче тел я вижу только руку с аккуратным розовым маникюром, длинные тонкие пальцы. Младшая — ей три года — лежит на сестре. Светлые волосы, нижняя челюсть подвязана бинтом, руки связаны на животе. По телу — красные точки осколков, входные отверстия. Девочка кажется живой.

Трехлетняя Арина Бутым лежит на теле своей семнадцатилетней сестры Вероники Бирюковой. В холодильных комнатах Николаевской областной судмедэкспертизы тела лежат в несколько слоев. Для хранения тел также освобождены два сарая, часть тел лежит на улице. Фото: Елена Костюченко / «Новая газета»

— Арина Дмитриевна Бутым и Вероника Александровна Бирюкова. У них одна мама, разные отцы. Были доставлены 5 марта в 17.00. Жили в селе Мешково-Погорелово, улица Шевченко, — санитар Николай Чан-Чу-Мила говорит и смотрит мимо. — Я кум… Их родители крестили у меня детей. Мы дружим семьями. Мне девочек привезли, в мою смену. Конечно, я их узнал. Я не могу вам сказать, что в тот момент я пережил.

Отец девочек Дмитрий Бутым стоит за забором. Ждет, когда отдадут тела. Глаза прячутся в валиках красной кожи. «Вера на кухне еду грела, Арина во двор вышла. Что младшая, что старшая — шансов не было. Младшая сразу погибла, осколок через сердце, старшей завели сердце на две минуты, но оно не пошло. Мама их в больнице в Дубках, прошел осколок через бедро, повредило внутри. Вы извините. Мне сейчас главное детей похоронить».

Привезли новое тело, разворачивают полосатую простыню. Мужчина с кислородной трубкой изо рта, тело посечено осколками, спасали, не спасли. Его оставляют лежать во дворе.

Четверо мужчин с темными розами встают в углу. Ждут, когда им отдадут коллегу — охранник, мирный, Игорь, «чертов "Смерч" летит и все».

Фото: Елена Костюченко / «Новая газета»

Из сарая выносят тело в камуфляжных штанах. Тело фиолетовое, вместо лица — широкий разрез. Двое мужчин из следственного управления склоняются над ним. Описывают одежду, стягивают штаны, берут образец на ДНК — макают бинт в кровь, затем один сует пальцы в месиво на месте рта — надо узнать, какие кости черепа сломаны, а какие — нет.

Светловолосая женщина в темном платке через голову говорит:

— Моя мама жила на пятом этаже. Она не могла спуститься вниз, в бомбоубежище, в подвал. У нее рядом были соседи. Соседи помогали, они были одной семьей. Умерла она утром, спокойно, насколько можно это сказать — спокойно. В ванной на полу, прячась от этого ужаса. А на следующий день, ровно в это же время, в соседний дом попала ракета, и окна все ее квартиры были выбиты. Но ее там не было уже, в этой квартире. Я не знаю, это какое-то чудо, что в воскресенье она умерла спокойно. На следующий день она бы умерла в жутком страхе. Ей было 77. У меня есть фотография квартиры, того, что осталось, соседи мне прислали. Вот вид из ее окна, а это соседний дом, куда попала ракета. Это было на следующий день, она бы этого не пережила. Она умерла в Прощеное воскресенье. А 7 марта все стекла в квартире разбиты, ей было бы невыносимо страшно. Раз этому суждено было произойти, хорошо, что это произошло 6 числа, а не 7-го. Я так благодарна. Мою маму звали Светлана Николаевна. Наполовину русская. Ее муж, мой папа, родился в Красноярске. Он здесь служил, и они познакомились. Мой дедушка, папа моей мамы, он из Курска. У нас семья была

русскоязычная. Мы едем на кладбище. Мой сын в Киеве. Меня зовут Оксана.

***

Казарма воинской части А0224 после обстрела. Фото: Елена Костюченко / «Новая газета»

Воинская часть А0224 — это один из двух безусловно военных объектов в Николаеве, куда попала артиллерия. 7 марта в 5:15 утра в казармы попала ракета «Калибр». 9 погибших, из них — 5 срочников, не участвовавших в боевых действиях. 14 раненых. Двое срочников, считавшихся пропавшими без вести, нашли через несколько часов — они убежали на другую позицию и спрятались там.

Кусок трехэтажного здания превратился в обломки. На уцелевшем куске пола стоит двухэтажная кровать.

Обломки раскапывают вручную. Спасатели работают вместе с военными, обломки передают по цепочке вверх. Ищут тело последнего пропавшего — его звали Стас, он родом с Западной Украины, призвался 8 месяцев назад.

Ярослав, спасшийся в ту ночь, щурится на солнце, руки лежат на автомате. «Тревогу крикнули в 5:15. Я встаю, кричу: "Ребята, все выбегаем!"». И самые первые, даже не обувались, выбегали из здания... Снаружи ребята стояли — крикнул, чтобы

вошли в помещение, потому что не дай Бог, прилетит снаружи, что осколки могут... И начал назад возвращаться. Я начал бежать назад, и на втором этаже, и метрах в семи от меня... в семи метрах от меня вижу такую картину: эти плиты... подбросило плиты и вспышка — огонь. Я увидел огонь.

В 5:17 уже ударили по нам.

Ярослав, выживший при обстреле военчасти. Фото: Елена Костюченко / «Новая газета»

И меня отбросило, я упал, закрыл голову и чувствую, что на меня стекло падает. Я начинаю включать... секунд 15 проходит, я включил фонарик и ползу. Слышу, что люди кричат, женщина кричала. Ползу, ползу — и чувствую, что уже нет земли подо мной. Нету земли. И слышу, старшина кричит: «Все на улицу!». Я смог вернуться назад, начал бежать на улицу. Автомат захватил. И всем кричал, кто еще был, кто <ўирзбўу говорю: «Ребята, все бежим в укрытие». Так мы вбежали. Тарас, Данила, еще ребята — остались под завалами. Нас было в кубрике 29 человек.

Я не хочу просто материться... Но в плен после этого я брать не буду. И не жалко мне, что там где-то родители, жены — не жалко. Мне двадцать лет, я учился на ветеринара, а мне теперь не жалко никого».

Рядом с ним стоит темнокожий Энтони. Он родился в Москве, потом жил в Луганске с бабушкой 11 лет

и до войны уехал в Америку. «Восемь месяцев назад приехал в Украину, хотел начать новую жизнь, я знал, что заберут в армию, думал, мне 23 года, сейчас отслужу срочку и начну свою новую жизнь, а тут бац — и война началась». «Закончу службу, подзаработаю в Америке, куплю квартиру в Украине, найду жену. Сейчас я точно знаю, что хочу и буду жить в этой стране».

Энтони и Ярослав. Фото: Елена Костюченко / «Новая газета»

На передовой расстреляли «Тигр». Экипаж — четверо россиян — сдались в плен. Командование считает, что россияне проводили разведку боем, но те, кто стоял на позициях, говорят — «заблудились скорее всего».

Артур — лицо закрыто черной повязкой, в мирной жизни — экономист-кибернетик, рассказывает.

— Со стороны Херсона ехала машина. Подъехала, я обнаружил, что бронированная. Они открыли окно. Я внутрь заглядываю — россияне, в форме. Говорю — сдавайтесь, ну и матом тоже. Он окно закрывает. Я в окно хотел выстрелить, но не успел, начал стрелять по колесам, колеса пробил. Секунд 20 машина ехала. Гранату бросили, машина загорелась. Они из машины не выходили сначала. Мы им выбили окно — они начали сдаваться.

— Вы разговаривали с ними?

— Пытались не разговаривать. Это же страшные воины.

Солдаты ржут.

— Они говорили, ну, как обычно, рассказывали всякую фигню, типа на учениях, все эти приколы. «Не знаю, куда я попал». Это все бред. Все они знают.

Пленных сдали в СБУ.

На разделительной полосе написали — «смерть ворогам».

Солдаты греются у печки, топят дровами. «Русские ******* [украли] весну»

— Мне сказали, что вон с тех вышек. Либо снайпер, либо пулеметчик, я точно не скажу. У меня пуля прошла в 40 сантиметрах от ноги. После третьей пули я понял, что ведут огонь лично по мне, — говорит боец с позывным Артист.

— Вы ждете штурма города?

— Я жду одного: чтобы вся эта херня свалила — вы сами знаете, куда. И еще я хочу пожелать местным жителям оккупированных территорий готовить коктейли Молотова. И хочу пожелать счастья своей дочке. Ей 3 года. Назвал — Мария.

Семья осталась здесь. У брата дом побольше, чем у меня. Мы все живем в одном селе: что мать, что брат, что я. Так как брат старше меня, он, как говорится, глава семейства. Его задача — охранять

женщин и детей, моя задача — быть здесь. Когда шел обстрел аэродрома Кульбакино, я был в этом время в Варваровке, я работал на 61-м заводе[1], мы там строили суда. Меня дядя разбудил в 6:30, обстрел Кульбакина уже шел, было очень хорошо его слышно. В 8:20 я уже был в центральном военкомате. Мне выдали повестку, сказали — на следующий день в 6 утра с вещами. Жене я сказал после того, как побывал в военкомате. А она сказала, что знала, что я так поступлю.

— Куда нам эвакуироваться? Мы на своей земле, — говорит другой солдат. — У меня семья в Одессе. Пока Николаев стоит — Одессу не тронут. Вот я тут.

Украинские военные. Фото: Елена Костюченко / «Новая газета»

— Мы говорим: россиянам надо идти домой! Ушли просто домой — и все. Мы вас не звали. Не обязательно здесь умирать.

— Вот мы ваших обстреляли и они погибли. А чего их на родину не вывозят?

— Почему тела не забирают? Ваши тела просто поля удобряют. Извините, но ваш сын приедет сюда, и больше вы его никогда не увидите, и на могилку к нему не придете. А если со мной что случится, меня мама оплачет и похоронит.

— Люди, которые для нас раньше были братьями, сейчас для нас уже враги, потому что они напали, братья так не поступают. Мы вынуждены защищать нашу землю, держать оборону, мы не хотели войны, мы не ждали ее.

— Я сам с Николаева. Что, я буду дома сидеть и ждать? Я в первый день сразу пошел в военкомат.

— Мы не хотим воевать против России. А вы не воюйте против нас.

— Они думают, что Украина слаба. Нет. Украина очень хороша. Мы каждую дырку и норку знаем. Вы на нашу землю пришли.

— Мы войны не хотим. Мы хотим, чтобы нас оставили в покое.

***

Родильный зал в подвале роддома №3. Фото: Елена Костюченко / «Новая газета»

За время войны в Николаевском роддоме №3 родилось 22 ребенка. Двое из них — в подвале, который стал бомбоубежищем. Выжили — все.

Практически перестали делать кесарево — шву надо зажить и нужен покой, но воздушные тревоги не дают покоя.

В подвале оборудовали родильный зал. Но операционные остались на третьем этаже — и это очень опасно.

Звучит воздушная тревога. Беременные женщины спускаются в подвал, шаг за шагом, одна рука на стене. Тяжело идут по ступенькам. Акушерки несут детей.

Лена Сильвеистрова лежит на металлической каталке, накрытая шерстяным одеялом. Ее муж, Алексей, положил ей руку на шею, успокаивает. Лена родила в 4:30 утра, кесарево, до этого пыталась родить сама — почти сутки. Ей 28, Алексею 26, это их первый ребенок. Схватки начались под утро, после объявления комендантского часа, Алексей вез жену в роддом сам.

— Как раз война началась — а у меня стояла предварительная дата родов. Я очень волновалась, когда это начнется. Я была постоянно в страхе, в ожидании, когда это случится, не попасть на воздушную тревогу или на обстрелы в городе. Мне повезло — мне кесарево сделали между воздушными тревогами. Знаете, когда ты в схватках и хочешь дитю спокойствия и тишины, а твой город бомбят без конца!

Алексей и Лена, молодая мама. Фото: Елена Костюченко / «Новая газета»

Алексей гладит ее по щеке.

— Я просто хочу вспомнить, как это — ходить по улице, не боясь выстрелов.

Подвал тускло освещен лампами. Женщины сидят вдоль стен.

Алексей идет следом за главврачом. Главврач приоткрывает дверь архива. Там, на матрасах, сидит акушерка с белым свертком.

Акушерка протягивает сверток Алексею. «В руки не надо, я боюсь», — говорит Алексей. «Надо привыкать. Не бойтесь, пожалуйста, не бойтесь», — говорит акушерка.

Алексей берет Машу на руки. Это первый раз, и акушерка аккуратно поправляет его ладони.

— Такая маленькая, — говорит Алексей. Он молчит и все ниже наклоняется к лицу дочери. — Моя девочка. Привет! Что ты мне язык показываешь? Маша, ты чего? Давай мы с тобой будем прям вместе-вместе каждый день!

Алексей и новорожденная Маша. Фото: Елена Костюченко / «Новая газета»

— Мы желаем только мира. Напишите, пожалуйста, — говорит женщина в белом халате. — Меня зовут Надежда Шерстова. Я старшая сестра анестезиологии, я работаю 30 лет. Знаете, как началась война, ребенок рождается — нету радости в глазах у родителей. Переживаешь, чтобы у женщин было молоко. За это страшно. Радости у родителей нету.

— В животе была очень буйная, — говорит Алексей врачу. — Пиналась постоянно. Особенно, когда мой голос слышала, сразу танцы устраивала. Маме по ночам спать не давала. Сейчас тоже пинается чуть-чуть. Я думал, что она будет похожа на меня. На УЗИ сказали, что мои черты, а она красивая.

Очередной обстрел Николаева начался 11 марта в восемь вечера и с перерывами продолжался всю ночь. По заявлению мэра Александра Сенкевича, повреждено более 167 жилых домов, больница №3, заполненная гражданскими ранеными, завод по производству полуфабрикатов, 11 школ и детсадов, интернат. 11 частных домов полностью разрушено. Осколки посекли двор онкологического отделения, станцию скорой помощи, больничный пес Кузя, золотой, дворовый, был убит. Его прикрыли полотенцем. Под обстрел попало городское кладбище. В городе начались пожары.

1. Николаевский судостроительный завод.